
Тихой речки
прозрачное устье.
Городок на горе. Купола...
Столько счастья,
и боли,
и грусти
Ты мне, Родина,
с детства дала!

С детства
жить привыкал я Тобою.
Знал,
что многое сдюжу, снесу,
Если сердце
в ненастье любое
Будет чистым,
как ландыш в лесу.

Мне чужие
не надобны сани.
И душа оттого
не пуста.
Я все песни Твои
и сказанья
Не забуду
уже до креста.

И усну,
очарованный Русью.
Ведь была она в сердце,
была!..
Тихой речки
прозрачное устье.
Городок на горе.
Купола.

Цветёт черёмуха

В дневник звонкам прощальным вслед
Летят последние отметки.
По вечерам уже – привет! –
Пучок черёмухи на кепке.

И чёлка вьётся на ветру,
И песня юности не спета.
Черёмухой украшен руль
Бывалого велосипеда.

Почистив щёткой пиджаки,
Мы нажимаем на педали.
Летим, как майские жуки,
В окрестные хмельные дали.

Нам старших прописи – пресны,
И – дети верные природы –
Мы опьянели от весны,
Мы захлебнулись от свободы!

Цветёт черёмуха!
И в грудь –
Такая томная прохлада.
И хочется чего-нибудь,
И ничего ещё не надо...

Хват

Глянет бабонька: «Ой, мама!»
И за сердце: «Ну и хват...»
Не один уж обломала
Об него жена ухват.

Он твердил своей Варюхе:
«Нету дыма без огня.
Липнут все они, как мухи,
На ядрёного меня.

Ты же сущая диета, –
Говорил. – К тому же – лёд.
Захочу – и та, и эта
За меня сейчас пойдёт...»

Знали тоньки, верки, любки
Да колхозный сеновал,
Сколько их он в спелы губки
Крепко перецеловал.

А Варюхе – оплеуха.
Не позорь, мол, не кричи.
Сколько раз его Варюха
Горько плакала в ночи.

Где тот мак, что летом ало
Озарял счастливо нас?
Отцвела она. Увяла.
Как-то тихо.
Как-то враз.

Не сумел унять он дрожи,
Поглядев в могильный мрак:
«Варя, Варя, это что же,
Это как теперь же так?..»

«...Не косую,
не рябую,
Ты ещё, едрёна вошь,
Чай бы взял себе любую,
За тебя пойдёт кто хошь.
Всё, поди, не одиноко.
Тут и ласка, и привет...»

Но оставит
в землю
око:
«Нет Варюхи – света нет».

Уж новый польхнул Везувий,
А мы души не бережём.
Земного, бренного взыскуя,
Всё копим скарб,
лукавим,
лжём.

Крымская элегия

Словно горькую, славную, жгучую был
Мы вдыхали с тобой инкерманскую пыль.

Любовались горами и грусть об ином
Запивали массандровским красным вином.

И смотрели, как месяца белый венец
Надевал по ночам Воронцовский дворец.

Там зелёное море резвилось у скал,
Где я крабов в расщелинах скользких искал.

И смеялась волна, и ласкалась волна,
И лукаво со мной целовалась она,

И шептала в лучах заходящего дня,
Что лишь море одно не разлюбит меня...

Лиде

Ты помнишь, ты помнишь, как счастливы
были в Крыму?
Прибой рассыпался, как бисер, в лазурном дыму,
И звёзды цвели, как в саду золотые черешни,
И ты улыбалась, ты верила мне одному.

Ты помнишь, ты помнишь, любимая, цокот цикад
И розовый парус, летящий вдали на закат?
И руки твои, словно волны, меня обнимали,
И был я тогда, как купец киммерийский, богат.

Да, был я богат! И тебе говорил я: стой!
Ресницы твои блещут пылью алмазной густой.
Я знал, что и море, и горы в зелёном самшите
Не стоят и пряжки твоей босоножки простой...

Дай твои отогрею ладони,
Дай прижму их крепче к лицу.
Были б кони, ах, были бы кони,
Подогнал бы я тройку к крыльцу.

Похороны

Хорошее сыскали место
Ей под рябиновым кустом.
Хоронят бабку без оркестра
На сельском кладбище простом.

Ещё на той неделе, вроде,
Она сгоняла кур в сарай,
Полола грядки в огороде:
«Да нынче жизнь –
Не жизнь, а рай...»

Поставьте гроб.
Конец дороге.
Конец... Таким вот, как она,
Упасть бы виновато в ноги...
Ну что могла без них страна?

Когда фашистская орава
Нам навязала смертный бой,
На плечи их легла держава
С её великою бедой.

В тот год
в то пекло проводили
Они мужей и сыновей
И здесь, в тылу, опорой были
Земле измученной своей.

Впрягались в плуг,
да так, что грудь
В натуге рвали и ремни.
Скажите, кто работать будет
Так, как работали они?

Все слёзы позади. Все муки.
Её душа в иных мирах.
Лица не видно,
только руки
В кручёных жилах и буграх.

Все в чёрном тихие старушки
Ей память вечную поют...
В честь этой бабки
я из пушки
Велел бы дать тройной салют!

А в России
звенит на лугах сенокос,
И девчата
платки надвигают на брови.
Я всё думаю:
сколько рассыпано рос,
Сколько света сияет
в единственном слове!

У тамбовских колодцев,
кубанских криниц
Неожиданно,
жаркой зарницы короче,
Из-под долгих, как сон,
византийских ресниц
Обожгут
васильково-славянские очи.

И замрёшь.
И душа устремляется ввысь.
И живёшь,
и глотаешь невольные слёзы,
Чтобы видеть в тумане
озябшую кисть
Вологодского кружева
бедной берёзы...

Ничья

И хотел забыть бы я об этом,
Только как? И можно ль жить потом?
Помню, как однажды тёплым летом
Мы с концертом прибыли в детдом.
Пляски и стихи – чего же проще!
Песни про счастливую страну...
А потом пошёл я шумной рощей
И увидел девочку одну.
Запахами клевера и мяты
Был настоян воздух у ручья.
«Девочка, – спросил я тихо, – чья ты?»
Тихо мне ответила: «Ничья».
С тихой печалью посмотрела,
Тихо улыбнулась издали.
«Вы к кому? – с надеждою, несмело, –
Вы к кому? – и замерла, – пришли?»

Отвернулась, думая о чём-то,
И пошла травой сквозь птичий гам.
Ситцевая синяя юбочка
Прижималась к худеньким ногам.
Я-то перед ней невиноватый,
А стоял понурый у ручья.
Птицы вслед ей
спрашивали: «Чья ты?»
И звенело из кустов: «Ничья...»

В окруженьё лесов

Сколько спелой брусники на светлой узорной опушке,
А какие встречают гостей у тропинки грибы!
В окруженьё лесов, в этой тихой, как сон, деревушке
После всех перестроек осталось четыре избы.

Сколько всяких нашествий они на веку пережили,
Утопали в грязи, а душа оставалась чиста.
Два часа от райцентра доехать сюда на машине.
Дверь толкнёшь – и такая дохнёт на тебя нищета.

Деревенская Русь! Здесь темно, неуютно и сыро.
Отзвенели во мгле молодые твои голоса.
Встанет бабка с печи, как виденье далёкого мира:
«Уж не внук ли приехал?...» Не видят больные глаза.

Деревенская Русь! Пропивали тебя, продавали,
Добивали тебя, выдирая устои твои.
...Кто проснётся теперь на горячем, как пух, сеновале
И кого расстреляют на вешней заре соловьи?

Геннадию Rogozному

Утром глянул в окно: на моём берегу
Все деревья стоят по колено в снегу.

Тихим звоном дрожа и на солнце горя,
Листья, листья лежат, как куски янтаря.

Вдоль аллеи притихшей до самой воды
Золотые следы, золотые следы.

То ль жалея себя, то ли плача о ком,
Это осень ушла от зимы босиком...

Вспомни слова Мономаха

Всё в этом мире безумно старо.
Вспомни слова Мономаха:
Зла сторонись и делай добро,
Чтоб не испытывать страха.

Всё-таки больше пекись о душе
И не кичись, если в силе.
Ныне ты в силе, а завтра уже
Все о тебе позабыли.

Жизнь – это света и тени игра,
Всё в ней идёт чередою.
Вечером – плач, а на завтра с утра
Радость уже с тобою.

Крепче старайся держаться в седле,
Как бы судьба там ни мяла.
Разве впервые мы здесь на земле?
Разве на небе нас мало?

Князь Святослав

Николаю Мартынову

Ликуй, шуми, продажный Киев,
Гнездо неистребимых змиев, –
Мой череп выскоблен врагом.
Не будет больше Святослава.
Страшись! И честь твоя и слава
Под вражьем всплачут сапогом.

Когда б я знал, на что решится
Так скоро русская столица
И что свершится после там,
Клянусь огню и небу синю:
Я не отдал бы Березиню
На небывалый глум и срам.

И – кровный сын степи и леса –
Не променял бы я Велеса
На всю тщету победных битв!
Одно я чувствовал со страхом:
В конце концов всё станет прахом
Без наших жертвенных молитв.

Когда б я знал, что ждёт Перуна
Среди днепровского буруна, –
Мне ль было не устроить лад?
Навёл бы я порядок дома
И не повёл дорогой грома
Свои дружины на Царьград.

Не зря, не зря кичливый Куря
В степи таился, брови хмуря, –
Он знака ждал, поганый тать.
Не зря мне помощь не поспела
И близкая рука посмела
Меч перед битвою умело
Вонзить в меня по рукоять...

Последний кулик

Позабросив стихи и гармошку,
В отцветающем грустном селе
Вот опять я копаю картошку,
Чтобы выжить на этой земле.

На земле, где мои коростели
Отзвенели в покосах вчера,
Где такие сегодня метели
И такие шальные ветра.

Где рыдает родная долина,
Осыпается роща во сне...
Нет покоя теперь, всё едино,
Ни в душе, ни в дому, ни в стране.

Здесь помрёшь в безысходной простуде,
Упадёшь среди картофельных гряд.
Здесь какие-то хмурые люди
Много умных речей говорят.

Сколько их, волевых, непохожих,
За удачею вдалеку унесло.
Хорошо-то как, Господи Боже, –
Сытно там и тепло, и светло!

Я копаю картошку и внемлю
Только ветру, чей яростен крик.
Я продрог... Но люблю эту землю,
Как болото последний кулик.

Дуня

Как торопилась нынче Дуня!
Посуду мыла, пол мела,
И в самовар заглохший дула,
Кого-то, видимо, ждала.

Она с такою пышной чёлкой,
С такой пленительно-льняной.
И в юбке выглаженной, чёрной,
И в кофте новой, шерстяной.

Ах, Дуня, ты других не хуже,
Тебе уже под тридцать пять.
Вот только б мужа надо, мужа.
Да где хорошего-то взять?

А этот... Смеркнет – мокрым лугом
Приходит, грузен и небрит.
Он дышит водкою и луком,
Он так, примерно, говорит:

«Ты, Дунька, брось, такое дело,
Царевну из себя ломать.
Тебе ж за тридцать полетело,
Давно бы надо понимать.

Не бью я выпимши посуду
И у народа на виду.
Я, Дуня, бить тебя не буду,
Я завтра жить к тебе приду...»

И Дуня тихнет,
Дуня никнет,
И к сердцу кулачок прижат.
И губы красною брусникой
На белом стынут и дрожат.

Не разнимая рук

Лиде

Пусть ветер бьёт порывами
И замерзает луг.
Под золотыми ивами
Ещё тепло, мой друг.

Под полосой закатною
Преобразился вмиг
Твой светлый, неразгаданный,
Иконописный лик.

Со всей сердечной силою
Хочу сказать одно:
Ещё не поздно, милая,
Ещё не так темно.

Ещё чуть-чуть счастливыми,
Не помня слёз и мук,
Мы постоим под ивами,
Не разнимая рук.

Сохраните себя

Сохраните себя в неустроенном мире,
Не меняйте лицо своё, жизнь торопя.
В новой должности, в новой уютной квартире,
И в бесславье, и в славе –
храните себя!

Сохраните себя, если вам изменили.
Ничего, что не выбились вы в короли.
Сохраните себя, если вас уронили,
Сохраните себя, если вас вознесли.

Пусть удачливый друг, даже если он гений,
Помогает во всём, вас по-братски любя.
Никогда, никогда перед ним на колени
Не вставайте, друзья, –
сохраните себя.

Сохраните себя, своё сердце и слово
В этом мире – иного не будет в судьбе.
Это страшно: прожить за кого-то другого
То, что было отпущено только тебе.

И платок её...

В тёплых мальвах и в черёмухе ограда,
Плющ зелёной занавеской у окна.
Пропадаю – никакого с сердцем сладу,
Прихожу сюда, когда цветёт луна.

Прихожу сюда, когда плеснёт в колодце
Золотым хвостом упавшая звезда.
Дверь откроет, обомрёт и улыбнётся –
Кареглаза и нежна, и молода.

Как поют в ночи невидимые трубы,
Как взлетает моё сердце и парит!
И она мне что-то тихо, губы в губы,
Что-то ласково и сладко говорит.

И всё ярче, всё пышней в оконной яме
Неба звёздного полночная парча.
И платок её с кистями и цветами
На пол падает с округлого плеча.

В тёплых мальвах и в черёмухе ограда,
В тонких пальцах только ласковая дрожь:
«Не ищи другую, милый мой, не надо,
Ты другой такой вовеки не найдёшь...»

Не нашёл. И эта встреча не вернётся.
Оттого в душе такие холода.
Не плеснёт уж мне таинственно в колодце
Золотым хвостом упавшая звезда.

Соловей

О чём он,
маленький, невзрачный
Поёт в кустах
в округе дачной?
А он в черёмуховой снежности
Сгорает
от любви и нежности.
Поёт,
как могут только гении.
И все внимают
в удивлении.
Так раздробится,
так раскатится,
Что жизнью, может быть,
расплатится.
Поёт,
в любви не притворяется,
И никогда
не повторяется.

1812 год. Царское село

Вы помните: текла за ратью рать...

А. Пушкин

Он жарких слёз не прячет,
Душа любви полна.
Стоит с друзьями мальчик
У царского окна.

Стоит, шепча молитву,
Глядит из-под руки.
Идут, идут на битву
Гвардейские полки.

Идут на смерть, на славу,
Волнением горя,
За русскую державу,
За русского царя.

Немногим – мальчик знает –
Вернуться суждено.
Уже Смоленск пылает,
Грядёт Бородино.

Лавиной непреклонной
Течёт за ратью рать.
Колонна за колонной
Уходит умирать.

Целуя крест нательный,
Готов сейчас на бой,
Взывает юный Дельвиг:
«Возьмите нас с собой!..»

«Возьмите!» – просит следом
Курчавый мальчуган.
Играет «Гром победы...»
Оркестр под барабан.

«Прощайте!» – кто-то машет
Им кивером слегка.
Благословляет Сашу
Солдатская рука.

И вмятен стал до дрожи
В тот час завет благой:
Нет ничего дороже
Отчизны дорогой!

Услышь другого человека

Среди вселенской суеты,
В крутой неразберихе века
Ты слушаешь себя. А ты
Услышь другого человека.

Услышь его немую боль,
Почувствуй каждой клеткой, жилкой.
Страшна на этом свете роль
Прохожего с кривой ухмылкой.

Услышь сквозь яростный прибой
Всей этой жизни бестолковой,
И он, услышанный тобой,
Надеждой озарится новой.

Он человек. Он не чужой,
В нём сердце бьётся так похоже.
Услышь другого всей душой,
И он тебя услышит тоже.

Обожаю и землю и высь я,
И как всякий живой человек
Я люблю, когда кружатся листья,
Я люблю, когда падает снег.

Золотая метель хороводит,
Я грущу, заходя в листопад.
Всё проходит, шепчу, всё проходит,
Мир всему уходящему, брат.

Под серебряный звон снегопада
Хорошо у крыльца постоять.
Сердце свежему, чистому радо,
В теле чувствуешь бодрость опять.

Жизнь ты наша... И слёзы, и чудо.
Всё нам в радость и всё не навек.
Есть нам время подумать, покуда
Листья кружатся,
падает снег...

Не убивал!

Оно далеко-далече
То время и тот туман...
Не убивал царевича
Грозный царь Иоанн.

Чужой нам
вот эту скрепину
В «Историю» крепко вбил.
Не верьте художнику Репину,
Он тоже обманут был.

Ртутью да злыми травами
(Преступен боярский план), –
Но был царевич отравлен,
Как после и сам Иоанн.

Доказано это наукой –
В костях обнаружен яд...
Каким безумьем
и мукой
Исполнен отцовский взгляд!

Вот это сумел на картине
Художник нам передать.
А всё остальное отныне –
Забвенью, как ложь, предать.

Слово скажи, история,
Честно и без прикрас:
При нём возросла территория
Почти в восемнадцать раз.

Нельзя кому-то в угоду
Чернить государев лик.
В ту грозную непогоду
Он был в деяньях велик.

Наверное, и в коварстве, –
Не ангел воссел на трон.
Но мы живём в государстве,
Которое создал он.

Это только в России издревле осталось,
Чтобы плакала радость, а горе смеялось.

Это только в России, на подвиги громкой,
Вечно ходит надежда с сиротской котомкой.

Это только у нас смастерили царь-пушку
Не для дела, а так, напоказ, как игрушку.

И такой изготовили колокол медный,
Чтоб и рта не раскрыл он, царь-колокол бедный.

За такое могли только мы лишь и взяться...
Но зато все другие стоят и дивятся.

Все другие глядят и завистливо судят:
Никогда-то у них вот такого не будет...

Весело жили и грустно,
Было и пусто и пусто,
Вдоволь всего, по края.
Что там осталось? Немножко.
Кончится наша дорожка.
Где ты? И где буду я?

Может, фиалкой ты будешь,
Ты их так трепетно любишь.
Тучкой средь летнего дня
От одиночества тая,
Буду я звать, пролетая:
«Милая, помнишь меня?..»

Ты не ответишь... Ну, что же,
Ты всё равно всех дороже,
Вот ведь какие дела.
Вспомню тебя я былую,
Дождиком став, поцелую,
Чтоб ты подольше цвела...

Ты женщина, ты много значишь,
Ты из особенных пород.
Порой ты всё переиначишь,
Всё сделаешь наоборот.

Не объяснить умом логичным
Твоих причуд, твоих затей.
Легко ли быть самокритичным
При нетерпимости твоей?

И вновь захлёбываться болью,
И воскресать, весь мир любя?
И невозможно жить с тобою,
И невозможно без тебя.

Как в сорок первом

Нет, не кино, не спектакль, не игра.
С маху – по нервам.
На Украине такая жара,
Как в сорок первом.

Как в сорок первом – в огне и в пыли,
В страшном июле.
Как в сорок первом снаряды легли,
Бомбы и пули.

В доме родном убивает фугас,
В школьном спортзале.
Кровью окрашен отважный Донбасс,
Залит слезами.

Вновь обнаглев и не устрасась
Кары Господней,
Вылезла к свету нацистская мразь
Из преисподней.

Миру грозит неизбывной бедой,
Нет ей запрета.
Это не просто сраженье, а бой
Мрака и Света.

Встала и бьётся за Родину рать
Тем же манером.
Беженцы, беженцы всюду опять,
Как в сорок первом.

Вновь среди пепла, огня и свинца,
Адского грома
Где же ещё и стоять до конца,
Если не дома...

Преображенцы

Часто слышу, как кто-то поет,
А порой кричит в рупора:
«Русь была бы совсем иною,
Если б не было в ней Петра!

Итальянцы, голландцы, немцы...
Разве надо их было звать?
А уж эти преображенцы,
Вся потешная эта рать.

Наплодили и накосили
Столько бед,
что просто беда.
Убеждали всех, что Россия
Станет заново молода.
Нет, уж лучше бы почивала
Старой, кроткой средь отчих стен...»

Что бы с Родиной нашей стало,
Если б не было перемен?!

Нарастал справедливый ропот,
Но и жить ведь нельзя, как встарь, —
Слишком рядом гремит Европа,
Это понял наш государь.

Чужеземный камзол, коса ли...
Может, это с большой тоски?
Для великих дел подрастали
Молодые его полки.

Ну, какого ещё вам беса!
Нет и не было им цены,
Этим воинам политеса,
Этим труженикам войны.

Осиянные вечной славой,
Не щадя животов своих,
Били шведов и под Полтавой,
И на Балтике били их.

И сошли с пьедестала шведы...
Под восторженное «Виват!»
Пётр выковывал дух победы,
Дух Отчизны в сердцах солдат.

Пусть и ноги до крови стёрты,
Но была нерушимой связью:
Императорские ботфорты
Вместе с ними месили грязь.

Взяли всё, что когда-то сдали,
Выпив пламенное вино.
Одолели столько баталий,
Прорубили своё окно.

Это их потомки былинно
Силе траурной вопреки
До Парижа и до Берлина
Пронесут сквозь огонь штыки.

Чтобы вновь из седого пепла
Встали веси и города.
Чтоб Россия цвела и крепла
И всегда была молода.

Церквей шеломы золотые

Растут, растут по всей России
От гор, равнин и до морей
Церквей шеломы золотые,
Святая твердь монастырей.

И если все их цепким взором
В одно единое собрать,
Узрим, как строится собором
У нас архангельская рать.

Не ведаем, какие сечи
Возьмут нас снова в оборот,
Но чем молитвенней,
тем крепче,
Несокрушимее народ.

*В Горненском монастыре на территории
Израиля выставлен крест IV века, на котором
написано: «Сила не в силе, сила в любви».*

Ты уповаешь на силу свою,
Думаешь: силой всё возьмёшь.
Друг мой хороший,
не утаю:

В этой бравате кроется ложь.
Ты обмануть себя не вели.
Сильный был слабым не раз сражён.
Сила – не в силе,
сила – в любви.
Это известно с древних времён.

Может быть, мы и остались людьми
Лишь потому, что изведали вдруг:
Сила – не в силе,
сила – в любви,
В радости встреч, в печали разлук.

Шествует век, и в огне и в крови,
Тяжко от ядерных бомб и ракет.
«Сила – не в силе,
сила – в любви!» –
Каждому знать бы этот завет.